

Особенности национального воспитания в СССР

Научная статья
УДК 376.64(47+57)«1937/40»(=134.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-70-78

Школы-интернаты для испанских детей в системе Наркомпроса (1937—1940)

Анна Павловна Фернандес

Российский государственный архив фонодокументов, Москва, Российская Федерация,
annafernandes@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании документальных материалов рассматривается проблема функционирования детских домов для испанских детей в системе Наркомпроса, советская политика в отношении испанских детей, особенности их образования и воспитания. Особое внимание уделяется таким вопросам, как численность испанских детских домов, особенности учебного процесса, педагогический состав испанских школ. Отдельное внимание уделяется работе педагогов-испанцев. Сделан вывод, что создание закрытой системы специализированных детских домов тормозило процесс интеграции испанских детей в советское общество.

Ключевые слова: детские дома для испанских детей, Наркомпрос, образование, воспитание в коммунистическом духе, испанские учителя, социальная адаптация

Для цитирования: Фернандес А. П. Школы-интернаты для испанских детей в системе Наркомпроса (1937—1940) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 70—78. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-70-78.

Features of national education in the USSR

Original article

Boarding schools for Spanish children in the Narkompros system (1937—1940)

Anna P. Fernandez

Russian State Archive of Audio Documents, Moscow, Russian Federation, annafernandes@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of functioning of orphanages for Spanish children in the system of the People's Commissariat of Education. On the basis of documentary materials the Soviet policy towards Spanish children, the peculiarities of their education and upbringing are considered. Special attention is paid to such issues as the number of Spanish orphanages, the peculiarities of the educational process, the pedagogical staff of Spanish schools. Special attention is paid to the work of Spanish teachers. It is concluded that the creation of a closed system of specialized orphanages was slowing down the process of integration of Spanish children into Soviet society.

Keywords: orphanages for Spanish children, Narkompros, education, upbringing in the communist spirit, Spanish teachers, social adaptation

For citation: Fernandez A.P. Boarding schools for Spanish children in the Narkompros system (1937—1940). *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):70—78. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-70-78.

Появление в Советском Союзе испанских детей напрямую связано с гражданской войной в Испании (1936—1939). Для детей испанских республиканцев при Наркомпросе были созданы специальные детские дома, где они жили и учились, летом отдыхали на юге. Обучение испанских детей в СССР, как отмечает Н. Ю. Харитонова, стало уникальным образовательным идеологическим проектом: для большинства коллективов несовершеннолетних учащихся, которые не являлись советскими гражданами, было организовано особое пространство, где школьный учебный и воспитательный процессы шли на их родном языке, а у детей формировалось представление об их специфической общественной миссии [1, с. 74].

Обратимся к хронологии событий. В начале гражданской войны после усиления бомбежек и военных успехов Франко стало очевидно, что безопасных зон внутри самой Испании становится все меньше. Под лозунгом «Спасем детей Испании!» республиканское правительство стало отправлять детей за границу. Эвакуация, организованная республиканскими властями, как пишет в своем исследовании Р. Ф. Искуэрдо, была ориентирована на любую страну, которая в качестве гуманитарной помощи смогла принять детей [2, р. 23—29].

В январе 1937 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов писал в Политбюро на имя Сталина: «Думаю, что надо бы выделить для ограниченного числа испанских ребят (преимущественно сирот погибших бойцов) один из хороших детских домов в Москве или под Москвой» [3, л. 95]. В этом же документе содержатся указания обязать Моссовет передать один детский дом на 80—100 детей Наркомату обороны, поручить последнему через советников в Испании отбор и отправку детей в СССР, подбор для детдома квалифицированного персонала. Контроль за организацией и содержанием дома для испанских детей-сирот был возложено на разведуправление РККА [3, л. 95].

Однако в связи с ремонтом выбранного для этих целей детского дома, который расположился в здании бывшего сиротского приюта им. Н. Мазурина на Большой Пироговской улице, а также сложившейся военно-политической обстановкой первую экспедицию решено было направить не в Москву, а в Крым. Уже 30 марта пионерский лагерь «Артек» встретил 72 ребенка из Малаги, Валенсии, Мадрида (53 мальчика и 19 девочек). Вскоре по прибытии в «Артек» начались школьные занятия [4]. Из Испании были доставлены в «Артек» необходимые учебники и детская литература. 31 марта 1937 г. начальник разведывательного управления РККА С. П. Урицкий писал К. Е. Ворошилову: «Ремонт и оборудование дома для испанских детей подходит к концу. Дети прибыли и временно размещены в лагере „Артек“» [3, л. 4].

Прошло еще полгода, прежде чем решение о создании специализированного детского дома для испанских сирот перешло в практическую плоскость. Только в октябре после окончания летних смен в «Артеке» дети переехали в Москву и разместились в здании на Большой Пироговской улице. В октябре 1937 г. в детдоме находилось 84 ребенка — 23 девочки и 61 мальчик. Большинству детей было от 7 до 15 лет.

Уже 17 ноября 1937 г. Наркомпрос принял на свой баланс от Наркомата обороны детский дом для испанских детей. Детский дом стал числиться под номером 7.

При детдоме была организована испанская школа, все обучение велось на испанском языке. Занятия проходили в школе № 39 Фрунзенского района, где были организованы специальные испанские классы для воспитанников детдома. Программа занятий была максимально приближена к программе советских школ.

Заведующим детским учреждением был назначен И. П. Семенов, ранее возглавлявший детдом № 6. В школе работали четыре испанских педагога,

прибывшие в СССР из Испании вместе с детьми, три переводчика, а также 24 сотрудника из числа обслуживающего персонала (кастелянши, повара, дворники, прачки и т. д.) Советские учителя вели занятия по русскому языку, рисованию и физкультуре.

Историю и испанский язык в старших классах вел Хосе Сердан. По отзывам советских проверяющих, он был «преувеличенно ласков с детьми», всегда их защищал, в том числе нарушителей внутреннего распорядка. В разговоре с одним из воспитанников он уверил последнего, что мальчик не сможет ужиться с железной дисциплиной, которая существует в Советском Союзе. Вскоре выяснилось, что у себя на родине Хосе Сердан принадлежал к партии анархистов. Это сразу вызвало подозрение в том, что педагог сможет внушить детям антисоветскую идеологию, и учителю стали искать «скорейшую замену» [3, л. 18].

Испанка Кармен Лопес Хименес преподавала математику. Она хорошо умела делать то, что как раз требовалось от учителя в советской школе, — давать прочные знания. Кармен пользовалась заслуженным авторитетом в школе, так как была тактична, хорошо знала и объясняла свой предмет. Кроме того, она пользовалась доверием, так как была коммунисткой.

Пока решался вопрос с детским домом № 7, в июне 1937 г. был открыт детский дом № 5 (станция Обнинская). Встречали детей, прибывших специальным поездом из Москвы, со всей торжественностью. На станции их ожидали автомобили. Первая встреча была организована в парке, играл духовой оркестр. На зеленой поляне на белых столиках приготовили легкий завтрак — какао, пирожки, печенье, бутерброды с маслом, сыром, апельсины. Сотрудники провели санитарный осмотр детей и разделили на три отделения: дошкольное (3,5—6,5 лет), второе (7—12 лет), первое (13—16 лет) [5, с. 184]. При детском доме была организована общеобразовательная школа и детский сад.

Испанцев разместили в главном четырехэтажном корпусе. В центральной части здания находились большой класс и столовая, в корпусах на первом этаже — учебные классы, медкабинеты, душевые, на втором — спальни. Таким образом, все необходимые помещения располагались внутри дома и можно было жить и учиться, не выходя на улицу. Некоторые дети болели различными легочными заболеваниями. Наиболее ослабленных из них отправляли в детские дома, находящиеся в благоприятных климатических зонах, — в Крыму, Одессе и т. д.

В РСФСР, согласно списку начальника отдела детских домов спецназначения Дубровского, в начале 1939 г. были открыты 11 школ для испанских детей [6, л. 2]. Преимущественно они располагались в Москве и Ленинграде. Еще пять детских домов для испанцев были открыты на Украине — в Одессе (два детских дома), Харькове, Херсоне, Киеве. В октябре 1939 г., позже остальных, в Куйбышеве открылся детский дом № 14, который вскоре из-за плохих условий был закрыт.

Советское правительство постаралось обеспечить благоприятные условия для сирот погибших бойцов республиканской армии Испании. В довоенный период испанским детям пытались создать максимально комфортные условия. Некоторые детские дома для испанских сирот были обставлены по советским меркам роскошно, что не могло не контрастировать с более чем скромной обстановкой обычных коммунальных квартир, в которых в ту пору ютилось большинство советских граждан. Так, в пушкинском детдоме № 10 на полу лежал огромный персидский ковер, буквально заваленный игрушками, стояли фарфоровые вазы, деревянная мебель была украшена хохломской росписью. Казалось, дети жили в условиях, не уступавших богатым домам Хихона и Барселоны [7].

В советской терминологии того времени не было такого понятия, как «социальная адаптация» учащихся. Однако это не означает, что испанских

детей не стремились привести в соответствие (одновременно удовлетворив их базовые потребности в пище, одежде, безопасности) требованиям социальной среды. Культура и идеология советского общества, несомненно, влияли на адаптацию испанских детей к декларируемым политическим установкам. Надо отметить, что проводить такую адаптацию планировалось достаточно быстрыми темпами. Предполагалось, что дети испанских шахтеров должны хорошо ориентироваться в политической обстановке. Попав в СССР, дети старшего возраста уже вовсю изучали газетные сводки о положении на фронтах Испании, а также историю СССР.

В деле воспитания испанских сирот в СССР основная ставка была сделана на государственные детские дома. Именно государство взяло на себя ответственность за материальное обеспечение, обучение, воспитание, социальную адаптацию детей, эвакуированных из Испании путем совершения нескольких морских экспедиций и лишенных в результате разлуки с семьей родительской опеки. В духе времени формулировались задачи детского дома для испанских детей — воспитать энергичных строителей коммунистического общества, борцов против фашизма и борцов за свободную и независимую Испанию [8, л. 1].

Процесс приобщения испанских детей к официальной идеологии СССР проводился посредством целенаправленного воспитания их в «коммунистическом духе» [9, р. 26]. Так, в Положении о детском доме для испанских детей говорилось, что «детский дом для испанских детей является государственным учреждением, осуществляющим коммунистическое воспитание детей» [8, л. 1]. Считалось, что для успешной интеграции детей в общество необходимо привить им дух коллективизма и веру в победу коммунизма, уважение к социалистической собственности, любовь к партии большевиков и ее вождям. Таким образом, создание системы испанских детдомов в недрах Наркомпроса, а также негласный отказ властей от передачи детей в семьи продолжили политику большевиков в области охраны детства, в основе которой лежал принцип так называемого социального воспитания, предполагавший приоритет общественного воспитания над частным, а также единство стандартов воспитания и образования в общегосударственном масштабе [10, с. 86].

Находясь в СССР, испанские дети, помимо лидеров испанской компартии Хосе Диаса и Долорес Ибаррури, узнавали и о советских вождях и героях. Корреспондент газеты «Большевистское слово», посетивший детдом № 10 в Пушкине в 1938 г. писал, что испанские мальчики по очереди целовали портрет Ворошилова на коне [7].

Процесс образования и воспитания испанских детей носил контролируемый характер. От испанских детей, так же как и от всех советских школьников, требовалось относиться к учебе как к своей главной задаче, вступать в ряды пионерской организации, соблюдать дисциплину. Еще в начале 1930-х гг. А. С. Бубнов, возглавлявший в те годы Наркомат просвещения, заявил, что посредством дисциплины и пионерской организации советская школа должна реализовывать принципы коммунистического воспитания: «...роль пионерской организации в деле коммунистического воспитания детей и подростков гигантски возрастает... в связи с таким вопросом, как дисциплина в школе»¹. В стенах школы испанские дети должны были быть вежливыми с преподавателями, товарищами и старшими, школа «решительно боролась» с хулиганством и «антиобщественными поступками» учащихся, требовала уважения к социалистической собственности, боролась с так называемой поруккой.

Пионерская работа в испанских школах была подчинена задаче помочь подрастающему поколению детей испанских республиканцев-антифа-

¹ Более подробно об этом см.: [11].

шистов стать коммунистами и продолжить дело их отцов. В рамках проводимой в детдомах воспитательной работы центральное место занимали общешкольные мероприятия, политинформации, митинги и другие ритуалы. Очень скоро испанские дети хорошо узнали два главных советских праздника — 1 мая и 7 ноября, принимали участие в парадах на Красной площади.

Детские дома курировали представители испанской компартии. Испанской республиканской эмиграцией среди детей пропагандировалась идея о том, что, став взрослым, испанский воспитанник советской школы сможет и должен принести пользу своей родине. В испанском контексте это так называемые полезный человек (*hombre útil*) и дельный человек (*hombre de provecho*), речь в данном случае идет о понятиях, глубоко укорененных в испанской традиции [1, с. 74—95]. Таким образом, в ответ на заботу сталинской России испанские дети должны были в будущем трудиться на благо освобожденной от оков фашизма Испании.

Помимо воспитания детей в идеологическом духе на повестке дня стояла такая цель, как получение испанскими детьми образования в объеме средней школы. Попав в СССР, испанские дети учились по программам советских школ. К этому времени в СССР была сформирована структура начальной и средней школы. Постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР» в стране были установлены три типа общеобразовательных школ: начальная (с первого по четвертый класс), неполная средняя (с первого по седьмой класс), средняя (с первого по десятый класс) [12, с. 167].

Учебный процесс в советской школе был жестко регламентирован. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1935 г. «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной и средней школе» утвердило количество ежедневных классных уроков: в первых четырех классах — четыре урока в день (в четвертых классах допускалось два дня в неделю по пять уроков); в 5—10-х классах — пять уроков (и два дня в неделю по шесть уроков). Были утверждены и единые для всех школ СССР учебные планы и отметки: «очень плохо», «плохо», «посредственно», «хорошо», «отлично» [12, с. 171].

Распоряжением СНК СССР от 1 февраля 1937 г. «Об изучении Конституции Союза ССР в школах» с 1937/38 учебного года было введено преподавание советской Конституции в качестве самостоятельного предмета в седьмых классах средней школы [12, с. 175]. Этот предмет был и в учебном плане испанских школ.

Сразу после приезда испанских детей педагогам пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Общеобразовательный уровень детей, среди которых большую часть составляли дети бедных шахтеров, зачастую не соответствовал их возрасту. В первую очередь необходимо было организовать учебный процесс так, чтобы дети в полном объеме могли освоить учебную программу. Проблема заключалась в том, что многие из прибывших — мальчики и девочки от 9 до 14 лет — вообще никогда у себя на родине не посещали школу. Поэтому при комплектации классов приходилось учитывать не только возраст учащихся, но и уровень их знаний. На первых порах в классах находились дети самых разных возрастов. Так, по воспоминаниям Виртудес Мартинес, ее, в ту пору девятилетнюю девочку, включили в класс вместе с двенадцатилетней сестрой: «В нашем классе находилось от 18 до 20 учеников, около трети из них не умели ни читать, ни писать. Что же до нас с сестрой, то мы успели закончить первый класс школы» [13, р. 22].

Таким образом, характерной чертой испанских детских домов до войны было существование в их структуре разновозрастных классов, укомплектованных как хорошо успевающими учениками, так и «переростками», уровень подготовки которых был очень слабым.

Ответственная за учебно-воспитательную работу детского дома № 5 (ст. Обнинская), З. В. Соколова распределила детей по классам соответственно возрасту и знаниям. Испанских педагогов не хватало. Поначалу преподаватели, не знавшие испанского языка, объяснялись с учениками через переводчиков. Это были люди с высшим образованием, ранее жившие за границей: С. И. Ясельман 23 года жил в Аргентине, Е. Н. Мейер — в Германии и Южной Америке, В. С. Цейтлина — в Париже. Интересно преподавали русский язык супруги М. Д. и Т. В. Музалевские. Профессию педагога освоило и тринадцать испанских девушек-воспитательниц. Самой старшей из них, Эсперансе Родригес, было 24 года, а некоторым, как, например, Кончите Бруфау, 16 лет. По вечерам с молодыми испанскими учительницами занималась З. В. Соколова, которая постоянно посещала их уроки, а потом производила их разбор. Благодаря методической помощи опытных советских педагогов прекрасным учителем математики стала Хулиа Апарасио [5, с. 190].

Особое внимание обращалось на знание языков. С самого начала работы испанских школ образовательный процесс был организован с учетом этнической и культурной принадлежностью учащихся, в каждом детском доме работали испанские педагоги и воспитатели, предметы проводились на родном для ребят языке. Согласно приказу народного комиссара просвещения РСФСР П. Тюркина, детские дома должны были обеспечить каждому испанскому ребенку знание литературного испанского языка и полное овладение русской устной и письменной речью [14, л. 2].

В 1939 г. количество испанских учителей и воспитателей в СССР резко выросло. Новые педагоги были участниками гражданской войны в Испании, большинство из которых, пройдя через лагеря для беженцев во Франции и Северной Африке, оказались в Советском Союзе в качестве политэмигрантов. Привлечение испанских коммунистов-республиканцев к работе в детских домах отвечало двум задачам. Они помогали сохранять культурные связи мальчиков и девочек с Испанией, и одновременно советские власти были заинтересованы в том, чтобы обеспечить кадры для социалистической революции на Пиренейском полуострове¹.

Учитель Аугусто Видаль прибыл в СССР в мае 1939 г. Выходец из крестьянской семьи, в детстве он посещал сельскую школу. Затем в Жероне получил специальность учителя начальных классов. Молодому человеку было нелегко — ему самому пришлось обеспечивать себе жизнь вдали от родных. Желая продолжить образование, Аугусто переехал в Мадрид, где поступил на факультет педагогики Мадридского университета. В Мадриде Аугусто всерьез увлекся политикой, вступил во Всеобщий союз трудящихся (УГТ). Также он был членом секретариата профсоюза работников просвещения. Политика все более увлекала молодого человека, за свою деятельность он был арестован на 15 суток. Начиная с 1 ноября 1936 г. Видаль был комиссаром батальона Народной армии, участвовал в Брунетской операции. После поражения в войне был вынужден эмигрировать во Францию, где получил разрешение на приезд в Советский Союз. В СССР его опыт работы педагогом оказался востребован, так как в тот момент в испанских школах не хватало учителей со знанием языка. Попав на работу в детский дом № 1, расположенный в Подмоскowie в районе ст. Правда, он получил возможность продолжить свою педагогическую карьеру.

Для испанских детских домов были разработаны типовые правила внутреннего распорядка, нормы обмундирования и питания. Кроме того, планировалось составить программы по русскому как иностранному и испанскому языкам, организовать систематический инструктаж школ по вопросам методики преподавания русского языка, обмен опытом между персона-

¹ Более подробно об этом см.: [15, р. 28].

лом испанских школ, широко развернуть трудовое воспитание детей, организовать при детских домах учебные мастерские. Как покажет время, далеко не все удалось воплотить в жизнь, некоторые указания остались только на бумаге или потом были негласно отменены.

Несмотря на то что власти в лице Наркомпроса прикладывали определенные усилия, чтобы детские дома для испанских детей были образцово-показательными учреждениями, на деле все зачастую выходило далеко не так, как хотелось и как представляла пропаганда. Оказалось, что на просторах огромной страны система не в состоянии обеспечить относительно равные материально-технические условия, условия воспитания и образования. В одних регионах положение было хорошим, даже благополучным, где-то совсем плачевным.

Общим распространенным недочетом было то, что территории бывших домов отдыха и санаториев, где преимущественно разместились детские дома, оказались не вполне приспособлены для этих специализированных учреждений. Так, детский дом № 1 (ст. Правда) оказался «разбросан по ряду корпусов, барачных, подсобных помещений», в детском доме № 2 (Красновидово) «в спальнях тесно, нет игровых комнат, в первом корпусе осыпается штукатурка», в детдоме № 9 (Ленинград) «не остается помещения для внешкольной кружковой работы и игр», в одесском детском доме № 3 школа разместилась в непригодных, плохо освещаемых холодных дачах, а в детском доме для ослабленных детей в Евпатории «часто не бывает электроосвещения при отсутствии керосиновых ламп, прачечная в антисанитарном состоянии» [16, л. 1].

Штаты испанских детских домов оказались раздуты по сравнению с русскими детдомами. Так, в детском доме № 1 (ст. Правда) на 550 детей приходилось 300 человек обслуживающего персонала, при этом не хватало учителей. В то же самое время во многих детских домах не хватало переводчиков, что осложняло работу русскоязычного персонала, в большинстве своем не изучавшего испанский язык.

Положение испанских учителей тоже было неоднозначным. С одной стороны, получение статуса политэмигранта давало социальные льготы. Такие лица могли легально проживать на территории СССР, их устраивали на работу, обучали новым профессиям, оказывали денежную и продуктовую помощь. Однако, с другой стороны, многие из учителей были выходцами из крестьян, но даже им было нелегко адаптироваться к условиям жизни в СССР. Присутствовало здесь и разочарование из-за несоответствия пропагандируемого образа страны «дворцов, заводов и фабрик» реальному положению дел, неразрешимых бытовых трудностей, в том числе связанных с жильем. Сначала прибывшим из-за границы испанским учителям оплачивали номера в гостиницах. Позже им стали предоставлять жилье поблизости от детских домов, если в самих домах-интернатах не было свободной площади. Одиноким работников могли поселить в комнаты общежития, в которых одновременно проживало несколько человек (отдельно для мужчин и женщин), с кроватями и тумбочками. Чтобы прекратить недовольство иностранцев, регулярно предлагалось проводить лекции и беседы с испанскими педагогами, рассказывать о социалистическом строительстве и объяснять, что временные трудности необходимы для построения нового общества.

Постепенно советские власти пришли к выводу, что изолированность испанских детей могла пагубно влиять на их последующую социализацию. Инспекторы Наркомпроса выражали тревогу, что испанские дети росли совершенно не приспособленными к жизни, оторванными от реальности. Отмечалось, что во многих детдомах, особенно Москвы и Ленинграда, воспитанники жили в обстановке «близкой к роскоши», и это вызывало опасения, что со временем дети окажутся совершенно не готовы к трудовой скромной жизни [16, л. 4]. Кроме того, отметим, что еще в конце 1938 г.

в СССР был взят курс на реорганизацию национальных школ. В соответствии с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 г. «О реорганизации национальных школ», национальные школы закрывались, а ученики размещались в соседних близлежащих советских школах. В этом постановлении отмечалось, что практика насаждения особых национальных школ наносила огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, лишала их возможности приобщения к советской культуре и науке, преграждала путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях [17, л. 100—101]. Ликвидировались финские, польские, латышские, немецкие школы. Некоторые из подобных школ вызывали подозрения как «центры шпионажа», как это случилось с немецкой школой им. Карла Либнехта¹.

И хотя испанские школы не тронули, их количество планировалось сокращать за счет вывода старших детей в общежития и дома молодежи. Сокращение контингента воспитанников испанских детских домов, начавшееся еще до войны и имевшее продолжение в военный период, обусловлено как естественной убылью (воспитанники выросли, поступали в учебные заведения), так и целенаправленной политикой Наркомпроса.

Таким образом, на довоенном этапе пребывания испанских детей в СССР советская образовательная система не ставила задачу ассимиляции и инклюзии детей в советское общество. Детей готовили к жизни в Испании, надеясь на скорое падение диктаторского режима Франсиско Франко. Однако идея о скором возвращении испанских детей на родину оказалась утопией. Уже до начала Великой Отечественной войны стало ясно, что испанским детям придется жить и получать дальнейшее образование в Советском Союзе, что потребовало реорганизации системы их обучения и воспитания.

Список источников

1. Харитонов Н. Ю. Система воспитания в детских домах для испанских детей в Советском Союзе: к истории педагогических идеологов // ШАГИ/STEPS. 2015. Т. 1. № 1. С. 74—93.
2. Izcuendo R. F. The Children of Russia. The true story of a return operation. Barcelona, 2017. 505 p.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 949.
4. Испанские дети в Артеке // Правда. 1937. 3 апр.
5. Ефимова И. Л. Школа-колония «Бодрая жизнь». Испанский детский дом. Калининград : Аксиос, 2012. 222 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-307 Оп. 2. Д. 406.
7. Мы из Астурии // Большевицкое слово. 1938. 4 апр.
8. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5987.
9. Limonero I. C. Dos patrias, tres mil destinos. Madrid, 2010. 279 p.
10. Смирнова Т. М. Дети Страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. М. ; СПб. : Ин-т Рос. истории РАН, 2015. 384 с.
11. Коммунистическое воспитание детей и задачи ОДД: речь т. А. С. Бубнова на Съезде о-ва «Друг детей» 24-го мая 1931 г. М. : Наркомпрос РСФСР ; Ленинград : Огиз, 1931. 24 с.
12. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917—1973 гг. / под ред. А. А. Абакумова, Н. П. Кузина, Ф. И. Пузырева ; сост. Л. Ф. Литвинов. М., 1974. 562 с.
13. Martinez V. C. La Espanola rusa. M., 2011. 127 p.
14. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5986.
15. Gornals Vidal A. Gabriel Arrom. Cultura i treball en la construcció de la identitat revolucionària a l'exili // Laberintos. № 23. P. 28.
16. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 2959.
17. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 114. Д. 837.
18. Мусиенко Н. С., Ватлин А. Ю. Репрессированная школа: история немецкой школы им. Карла Либнехта в Москве, 1924—1938. М. : РОССПЭН, 2014. 239 с.

¹ О закрытии в 1938 г. немецкой школы им. Карла Либнехта в Москве см.: [18].

References

1. Haritonova N.Ju. Sistema vospitaniya v detskih domah dlja ispanskih detej v Sovet-skomb Sojuze: k istorii pedagogicheskikh ideologem [The system of education in orphanages for Spanish children in the Soviet Union: Toward a History of Pedagogical Ideologies], *ShAGI/STEPS* [STEPS], 2015, vol. 1, no. 1, pp. 74–93.
2. Izcuendo R.F. The Shildren of Russia. The true story of a return operation. Barcelona, 2017, 505 p.
3. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RGVA)], coll. 33 987, aids 3, fol. 949.
4. Ispanskije deti v Arteke [Spanish children in Artek], *Pravda* [Pravda], 1937, 3 apr.
5. Efimova I.L. Shkola-kolonija «Bodraja zhizn'». Ispanskij detskij dom [The school colony "Bodraja zhizn". Spanish orphanage]. Kaliningrad, Aksios, 2012, 222 p.
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation (SA RF)]. coll. A-307, aids 2, fol. 406.
7. My iz Asturii [We're from Asturias], *Bol'shevistskoe slovo* [Bolshevik word], 1938, 4 apr.
8. GA RF [SA RF]. coll. 2306, aids 70, fol. 5987.
9. Limonero I.C. Dos patrias, tres mil destinos [Two homelands, three thousand destinies]. Madrid, 2010, 279 p.
10. Smirnova T.M. Deti Strany Sovetov: ot gosudarstvennoj politiki k realijam povsednevnoj zhizni. 1917–1940 gg. [Children of the Country of the Soviets: from state policy to the realities of everyday life. 1917–1940]. Moscow, Saint-Petersburg, In-t Ros. istorii RAN, 2015, 384 p.
11. Kommunisticheskoe vospitanie detej i zadachi ODD: rech' t. A.S. Bubnova na Syezde o-va «Drug detej» 24-go maja 1931 g. [Communist education of children and the tasks of the ODD: a speech by T. A. S. Bubnov at the Congress of the Children's Friend on May 24, 1931]. Moscow, Narkompros RSFSR, Leningrad, Ogiz, 1931, 24 p.
12. Abakumova A.A., Kuzina N.P., Puzyreva F.I., Litvinov L.F. (eds.). Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshheobrazovatel'naja shkola [Public education in the USSR. Secondary school]: sb. dok. 1917–1973 gg. Moscow, 197, 562 p.
13. Martnez V.C. La Espanola rusa [Russian Spanish]. Moscow, 2011, 127 p.
14. GA RF [SA RF]. coll. 2306, aids 70, fol. 5986.
15. Gornals Vidal A. Gabriel Arrom. Cultura i treball en la construcció de la identitat revolucionària a l'exili [Gabriel Arrom. Culture and work in the construction of the revolutionary identity in exile], *Laberintos* [Laberintos], no. 23, p. 28.
16. GA RF [SA RF]. coll. 2306, aids 75, fol. 2959.
17. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskij istorii [Russian State Archive of Social and Political History], coll. 17, aids 114, fol. 837.
18. Musienko N.S., Vatlin A.Ju. Repressirovannaja shkola: istorija nemeckoj shkoly im. Karla Libnehta v Moskve, 1924–1938 [Repressed School: History of the Karl Liebknecht German School in Moscow. Karl Liebknecht German School in Moscow, 1924–1938]. Moscow, ROSSPJeN, 2014, 239 p.

Информация об авторе

Фернандес Анна Павловна — ведущий специалист, Российский государственный архив фонодокументов, Москва, Российская Федерация. E-mail: annafernandes@yandex.ru

Information about the author

Anna P. Fernandez — leading specialist, Russian State Archive of Audio Documents, Moscow, Russian Federation. E-mail: annafernandes@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 07.09.2023.